

Глава 27. Ты люб моему сердцу

Цзин Юньшу не успел и рта открыть, как ночной гость заговорил первым:

— Возьми, угощайся. Я ещё в прошлый раз заметил, что тебе понравилось. А оружие припречь, негоже самому пораниться.

У Цзин Юньшу пошли кругом мысли — за что хвататься в первую очередь? Выходило, этот человек прекрасно видел все его тайные приготовления.

«И то ли у него мастерство запредельное, то ли я так паршиво притворяюсь», — подумал Юньшу.

Опасаясь, что гость просто нагоняет туману и берёт его на пушку, сдаваться без боя он не собирался.

— Когда это «в прошлый раз»? — спросил Юньшу. — Мы знакомы?

Мужчина прижимал к груди объёмистый узел, а в другой руке держал засахаренные боярышники на палочке. При этих словах он невольно коснулся пальцами своего лица.

Юньшу пристально следил за каждым его движением, и перевёл взгляд на чужую руку. Маска, отлитая, похоже, из сплава меди и железа, была совершенно гладкой. Тёмный металл без единого узора выглядел сурово и не к месту солидно. Огненно-красные ягоды в глазури, которые незнакомец всё ещё сжимал в кулаке, нелепо диссонировали с этой грозной личиной.

Мужчина слегка отвернулся, будто уклоняясь от изучающего взора Юньшу. Тот ощутил смутное дежавю — это мимолётное движение показалось ему на удивление знакомым, а собственному чутью он привык доверять безоговорочно.

— Мы ведь встречались раньше, верно? — проговорил Юньшу.

В прорезях маски блеснули глаза незнакомца.

— Встречались, — охотно подтвердил он. — В лечебнице господина Циня. А потом я ещё раз приходил к вам.

Тут у Юньшу в голове наконец сошлись все ниточки. Вот только нынешний облик ночного гостя разительно отличался от того нищего калеки в дешёвых холщовых одеждах и с простой деревянной шпилькой в волосах, которого он когда-то застал у Цинь Юнвана. Поистине, встречают по одежке.

Без уродливых шрамов, скрытых теперь металлом, он выглядел мужественно и властно, а черты его лица казались высеченными из камня. Он смотрел глубоко, решительно и твёрдо, и в прорезях маски его глаза сияли подобно звёздам в ночном небе. В таком виде он выглядел даже весьма недурно.

Юньшу внезапно осенило.

— Вы пришли за той нефритовой подвеской? — Он уже собирался позвать Чжили, чтобы та принесла вещь, но вовремя вспомнил, что они сейчас не в Юньане, и брать ценную безделушку в дальний путь до Янчжоу он бы точно не стал.

— Нет, вовсе нет, — поспешно возразил мужчина. — Я лишь... прослышал, что господин захворал, и решил навестить вас.

Юньшу лишь мысленно хмыкнул — свежо предание, да верится с трудом. Как-никак, он оказал этому человеку услугу, а тот теперь юлил и не желал говорить правду. Он стал холоден.

— Навестить меня? Что же тогда не вошли через парадные ворота, как полагается гостю? Зачем нужно было уводить моего охранника?

— Время позднее, — бесхитростно ответил тот. — Визиты в такой час противоречат приличиям, я не хотел беспокоить ваших слуг. Но и до утра терпеть сил не было.

Юньшу лишился дара речи от подобной прямоты. С такими чудаками ему сталкиваться ещё не приходилось. Помолчав немного, он спросил:

— И зачем же вам столь спешно понадобился я? Нуждаетесь в деньгах?

— Нет-нет, что вы! Я пришёл исключительно проведать господина, — замахал руками гость.

Он попытался развязать свой узел, но мешала палочка с засахаренными ягодами. Недолго думая, мужчина просто сунул её в руку Юньшу:

— Держите, сначала поешьте это.

Избавившись от помехи, он бережно развернул ткань на низком столике у ложа:

— Я принёс целебные снадобья. Прошу, примите.

Юньшу перевёл взгляд на яркую палочку в своих пальцах.

— Моя услуга не стоила того, чтобы о ней помнить, — мягко отказался он. — Да и подарки без повода принимать не пристало. Лакомство я возьму, а вот прочее унесите обратно.

Но гость проявил упрямство:

— У меня нет дурных помыслов. Я лишь хотел убедиться, что с господином всё в порядке. Теперь мне пора.

Он почтительно поклонился, сложив ладони перед грудью, и резко развернулся к выходу.

Глядя в спину этому странному, своенравному человеку, Юньшу не выдержал. Любопытство взяло верх.

— Как ваше имя? — негромко окликнул он.

Мужчина замер, медленно повернулся вполоборота и тихо произнёс:

— У Чэнсюань.

«У Чэнсюань?» — Юньшу ошеломлённо распахнул глаза.

— Принц Чу? — вырвалось у него.

— Ваш недостойный слуга, — кивнул У Чэнсюань. — Долгие дни я размышлял в уединении, прежде чем во всём разобраться, и потому не смел открыться вам раньше, страшась смутить господина. С той самой первой встречи в лечебнице я был покорён вашим благородством и величием духа. Вы пленили моё сердце, господин, и образ ваш с тех пор не покидал моих мыслей. Вы чисты и возвышенны, точно весенний ветер, и я не смею помышлять о недостойном или грязном. Чувства мои искренни, в них лишь желание быть ближе. Когда же до меня дошли слухи о вашем недуге, душу мою сковала невыносимая тревога.

У Чэнсюань перевёл дыхание и продолжил:

— Вы родом с юго-запада, я же долгие годы провёл в северных землях. Судьба едва ли подарит нам много встреч в будущем. Я знал, что послезавтра в Саду Су соберутся поэты, но у меня не было надежды увидеться с вами там лицом к лицу, и оттого тоска сжимала грудь. Вот почему я решил прийти. Понимаю, что господин ни в чём не нуждается, но примите эти снадобья как скромную дань моего сердца. Не корите себя ни в чём, берегите здоровье. А теперь — прощайте.

На сей раз Юньшу замер окончательно, лишившись возможности вымолвить хоть слово. Ничего подобного с ним ещё не случалось. Человек, которого он видел всего дважды в жизни

— к тому же грозный правитель, наделённый безграничной властью, — только что признался ему в любви.

Век былого увлечения мужской красотой, процветавший в эпоху Вэй и Цзинь, давно миновал. Ныне подобные склонности считались лишь редкой блажью, не находившей широкого понимания. Зато девицы пускали в ход всё своё кокетство: в древности забрасывали колесницу приглянувшегося юноши спелыми плодами, ныне — изливали душу в изящных стихах.

Но чтобы статный муж заговорил столь пылко, открыто и прямо... К такому Юньшу жизнь не готовила. Защита его дала трещину.

Если он всё правильно понял, это действительно было признание. Искреннее, идущее от самого сердца.

Но боги, как ему теперь себя вести?

Когда Чжун И и Чжили вернулись в покои, Юньшу всё ещё сидел неподвижно, зажав в пальцах нелепую палочку с засахаренными плодами.

— Молодой господин? — удивлённо спросил Чжун И. — Откуда у вас сладости?

Юньшу вздрогнул, переводя затуманенный взор с телохранителя на злосчастную палочку. Затем неожиданно коснулся кончиком языка глянцевой глазури и тихо заметил:

— А ведь и правда сладко.

Чжун И лишь растерянно моргнул. Он взглянул на низкий столик, где лежал развязанный узел с дорогими коробочками.

— Кто-то был здесь?

Чжили тоже заметила подношения. Опустившись на колени перед столиком, она осторожно приоткрыла одну из шкатулок. Внутри на шёлке покоились три отборных корня горного женьшеня.

— Кто же принёс такое богатство? — изумилась служанка. — Да ещё и лакомство не забыл прихватить. Решил побаловать нашего господина, будто дитя малое? — Она весело рассмеялась, но, взглянув на Юньшу, тут же обеспокоенно добавила: — Молодой господин, вам нездоровится? Почему у вас так разругались щёки?

В памяти Юньшу вновь зазвучал хриловатый голос У Чэнсюаня. Страхнув наваждение, он строго посмотрел на Чжун И, стараясь перевести разговор на другое:

— Хорошо ещё, что незваный гость принёс дары, а не нож. Иначе оставалось бы только гадать, куда подевался доблестный страж Чжун.

Телохранитель помрачнел. Крыть было нечем — Юньшу попал в самую точку. Не проронив ни слова, Чжун И вышел в сени и опустился перед дверью на колени, признавая свою вину.

Осознав всю серьёзность случившегося, Чжили побледнела и тоже пала ниц:

— Простите мою беспечность, господин! Я вела себя как глухая и ничего не почуяла. Если бы брат Чжун не вернулся вовремя, я бы так и сидела в неведении. Вина моя безмерна!

— Поднимись, — вздохнул Юньшу. — Приходил мастер высокого полёта, тебе его шагов было не слышать при всём желании. И вели Чжун И вставать. В конце концов, он лишь платит мне долг чести, а не служит на кабальных условиях. Ступайте. Я устал.

В ту ночь сон к Юньшу так и не пришёл. В голове не укладывалось: с какой стати грозный принц Чу, предводитель могучих легионов, вспылал к нему чувствами? Пусть даже его собственное лицо было обезображено шрамами, в этом мире, где правит культ абсолютной силы, он мог получить любого юношу или деву по первому мановению пальца.

Какую цель преследовал У Чэнсюань, изливая перед ним душу? Неужели это было обыкновенное, бесхитростное признание? И почему, сколько бы Юньшу ни гнал эти мысли, хрипловатый шёпот принца упрямо звучал в его ушах? В глубине души закрадывалось странное, волнующее предчувствие: принц Чу говорил чистую правду...

«Да что со мной такое? — сокрушался он. — Неужели на этот год мне предназначено ловить чужие сердца? Сначала Юнь Вэнь, теперь вот принц Чу...»

Но трепетная, робкая речь У Чэнсюаня, лишённая малейшего намёка на наглость властелина, не вызвала в душе Юньшу отторжения. С этими сумбурными мыслями он в конце концов погрузился в глубокий сон.

Выйдя во двор, Чжили зябко повела плечами и тихонько шепнула напарнику:

— И кто только приходил? Господин вроде бы и разгневан, а вроде и нет.

Чжун И, как обычно, промолчал. Чжили, привыкшая к его угрюмому нраву, не стала настаивать на ответе.

В это время на темной улице Янчжоу, пряча руки в широкие рукава, сидел в карете Шэнь

Сунсюнь. Он беспрестанно шмыгал носом, искренне полагая, что ещё немного — и он околеет от ночного холода.

Первым к экипажу скользнул Ду Хэн. Едва он ввалился внутрь, Шэнь Сунсюнь принялся нетерпеливо тереть ладони:

— Ну где там Его Высочество? Едем мы или нет? Стужа прямо до костей пробирает!

— У этого третьего господина Юня в охранниках ходит на редкость умелый боец, — вполголоса пояснил Ду Хэн. — Его Высочество велел мне отвлечь его, а сам остался в доме.

Шэнь Сунсюнь плотнее запахнул полы подбитого мехом халата и со вздохом изрёк:

— Знаешь, Ду Хэн... Кажется, я теряю благосклонность господина.

Ду Хэн лишь многозначительно промолчал.

Вскоре бесшумной тенью из темноты соткался сам У Чэнсюань.

— Ваше Высочество, вы ведь шли проведать господина Юня? — удивился Ду Хэн. — Отчего воротились так скоро?

Шэнь Сунсюнь, не дожидаясь расспросов, закричал кучеру:

— Поезжай, живее! Зуб на зуб не попадает, гони к подворью!

Экипаж наконец тронулся. Ночной Янчжоу, вопреки позднему часу, бурлил жизнью — из-за высоких кирпичных стен богатых кварталов доносились хмельные выкрики и весёлый гомон. Здесь же, в переулках, облюбованных знатью, царила относительная тишина, и глухой стук копыт по каменной мостовой разносился далеко вокруг.

У Чэнсюань молча созерцал свои ладони, погружённый в глубокие думы. Спустя долгое время он тихо, словно самому себе, признался:

— Не сдержался... Увидел его и потерял голову. Не смог совладать с собой.

Шэнь Сунсюнь недоумённо захлопал глазами и переглянулся с Ду Хэном.

— Что значит «не смог совладать»? — осторожно спросил он. — Ваше Высочество, вы ведь не распустили руки? Не поколотили этого юношу? И потом... Третий господин Юнь ещё совсем молод, трудов его учёных мир не видел, с чего вы величаете его господином?

Обращение «господин» — высшая дань уважения мудрецу и наставнику. Оно приличествует лишь тем, кто превзошел других в познании и ведёт за собой умы. Какой-то безвестный Юнь Саньлан едва ли заслуживал подобной чести.

У Чэнсюань на мгновение замялся.

— Тогда... звать его Саньланом?

Он мысленно примерил это имя, и два простых слога отозвались в груди щемящей, неодолимой нежностью. Принц невольно прижал ладонь к сердцу. Ощущение было непривычным и пугающим: имя «Саньлан» таило в себе всё то сокровенное, о чём не смеют говорить вслух, всю глубину его тайной страсти.

«Буду звать его так лишь про себя, — решил принц. — Чтобы чужие уши не осквернили его».

— Ваше Высочество... я вовсе не о том, — только и смог вымолвить Шэнь Сунсюнь.

Ему очень хотелось добавить, что от того, с какой запредельной, пугающей нежностью грозный воевода произнёс это имя, у него самого сводит зубы.

<http://bllate.org/book/18296/1766167>